

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Н. И. ЕЖОВУ.

От ЕГОРОВА А.И.

З а я в л е н и е

Я на предыдущих допросах скрыл от следствия ряд фактов моей антисоветской деятельности. Это меня мучает и я решил со всей искренностью рассказать хотя бы сейчас всю правду о моих преступлениях до конца.

В 1919 году я установил антисоветскую связь лично с ТРОЦКИМ и офицерским заговором в Полевом штабе РККА, в лице возглавлявших этот заговор КАМЕНЕВА С.С. и ЛЕБЕДЕВА П.П. Затем я вошел в состав объединенной троцкистско-офицерской организации при штабе южфронта, в которую входили троцкисты-члены РВС СЕРЕБРЯКОВ, ВЛАДИМИРОВ и БЕРЗИН, ПОСТНИКОВ (нач. ВОСО) МАНЦЕВ - Пред. ВУЧК'а и участники офицерской организации: я-ЕГОРОВ, возглавлявший эту группу, ПЕТИН - Нач. штаба, МИЦКИЙ - мой порученец, МИСЕЛИУС - порученец ПЕТИНА, инженер ВОСО КУНИ, КУРСКИЙ - мой ад'ютант.

Основные задачи нашего троцкистско-офицерского заговора заключались в следующем:

- 1) срыв плана боевых операций по разгрому деникинской

армии, принятого ЦК партии по предложению И.В.СТАЛИНА;

2) создание условий для поражения частей РККА на юж-
фронте;

3) физическое устранение СТАЛИНА, как лица, препят-
ствовавшего осуществлению предательских замыслов нашего
троцкистско-офицерского заговора;

4) создание политического кризиса в стране для усиления
роли ТРОЦКОГО и установления его личной диктатуры в стране.

Конечной целью всех этих наших мероприятий было восста-
новление капиталистического строя в России.

Мыслилось нами это осуществить на основе договоренно-
сти ТРОЦКОГО и офицерской организации в РККА с иностранными
государствами антантовского блока.

Таковы в общих чертах те факты, о которых я еще не
рассказал следствию.

Связался я лично с ТРОЦКИМ и офицерской организацией
в РККА при следующих обстоятельствах:

В 1919 году, находясь на излечении в Москве, после мо-
его ранения, я был приглашен на квартиру к ТРОЦКОМУ в
Кремль. В продолжительной нашей беседе с ним ТРОЦКИЙ заявил
мне, что он имеет обо мне положительные отзывы от КАМЕНЕВА
С.С. и ЛЕБЕДЕВА П.П. и намерен выдвинуть меня командармом
14 и помкомвойсками южфронта. ТРОЦКИЙ при этом долго рас-
сказывал мне о своей установке на подбор крепких офицерских
кадров военных специалистов, как костяка для создания армии.

При этом он резко отрицательно и озлобленно отзывался о ВОРОШИЛОВЕ, командовавшем в это время 14 армией. ТРОЦКИЙ говорил, что ВОРОШИЛОВ "сталинский партизан", что с ним и со СТАЛИНЫМ ему пришлось серьезно ссориться еще на царичинском фронте.

Эти люди - продолжал с особой злобой ТРОЦКИЙ - мешают мне в осуществлении моих планов вообще и, в частности, в вопросе о комплектовании руководства армии из офицерских кадров.

Вы должны будете, заявил ТРОЦКИЙ, строго выполнять мои директивы и опираться на моих людей.

Я ушел от ТРОЦКОГО обласканным. Он обещал мне, что если я докажу свое стремление отстаивать его и, как он выразился, "наших друзей" КАМЕНЕВА и ЛЕБЕДЕВА установки; - мое продвижение и будущность в руководстве армии будет обеспечено.

Для ориентировки в военной обстановке ТРОЦКИЙ направил меня к главкому КАМЕНЕВУ С.С. и начштаба ЛЕБЕДЕВУ П.П.

Сразу же после этой встречи с ТРОЦКИМ (в июле 1919 года) я явился к ЛЕБЕДЕВУ П.П. и застал у него КАМЕНЕВА С.С.

Они поздравили меня с назначением и об'яснили, что они рекомендовали меня ТРОЦКОМУ, зная меня, как хорошего офицера и зная о моих антисоветских настроениях от МИЦКОГО.

МИЦКИЙ мой сослуживец по 132 пех. полку во время импе-

риалистической войны с 1915 по 1917 год. Он тогда был в чине подполковника и командовал батальоном в этом полку. Это человек монархических убеждений. С ним я встретился в период гражданской войны в 1918 году в бытность мою командармом 9. По его словам, он служил в Саратове по заготовке сена для армии. По просьбе МИЦКОГО я взял его к себе для поручений.

По мере моего с ним сближения, мы разговаривали откровенно антисоветски. Однако, я не знал тогда, что он связан с офицерской организацией и, в частности, с КАМЕНЕВЫМ С.С. и ЛЕБЕДЕВЫМ П.П.

Возвращаясь к моей беседе с КАМЕНЕВЫМ и ЛЕБЕДЕВЫМ при моем назначении командармом 14, я должен рассказать, что оба они говорили со мной совершенно откровенно, поставив передо мной задачу связаться на южфронте с офицерскими кадрами и людьми ТРОЦКОГО.

КАМЕНЕВ С.С. при этом сказал, что они пришлют ко мне верных людей и что люди ТРОЦКОГО сами со мной свяжутся. Оба они - и КАМЕНЕВ, и ЛЕБЕДЕВ - говорили о ТРОЦКОМ, как о человеке, с которым они в полном контакте ведут антисоветскую работу.

КАМЕНЕВ С.С. об'яснял мне, что ТРОЦКИЙ имеет свою линию отличающуюся от линии ЛЕНИНА-СТАЛИНА; что на его авторитете держатся офицеры в РККА и что с ростом влияния ТРОЦКОГО в России выигрют и "русские офицеры".

Они настойчиво рекомендовали мне взять с собой на юг

МИЦКОГО с тем, чтобы через него связываться с нужными нам людьми. Я обещал им выполнять эти указания и на этом мы расстались.

В 14 армии я сблизился с членами РВС армии КИЗЕЛЬШТЕЙНОМ и АРАЛОВЫМ, о которых мне говорил еще ТРОЦКИЙ, как о сторонниках его линии. Однако, практической антисоветской связи у меня с ними не было и таковая установилась у меня с троцкистами уже в октябре 1919 года, когда я получил назначение комвойсками южфронта и прибыл на ст.Паточная.

С МИЦКИМ я вновь встретился в 14 армии, куда он прибыл из 10 армии.

Он продолжал работать у меня для поручений и я перевел его с собой в штаб южфронта.

Со времени принятия мною командования южфронтом начинается установление связи с офицерской организацией через МИЦКОГО и затем через ПЕТИНА, прибывшего на должность начальника штаба фронта, а также и с троцкистами - вначале с СЕРЕБРЯКОВЫМ членом РВС фронта, а затем и с другими.

МИЦКИЙ мне рассказал, что в РККА существует широко разветвленная антисоветская офицерская организация, подготовляющая свержение Советской власти и установление буржуазно-демократической республики. Эта организация имеет свои связи с белым правительством на юге, с одной стороны, и с ТРОЦКИМ - с другой.

ТРОЦКИЙ, говорил мне МИЦКИЙ, опасаясь, что при победе Деникина он окажется выброшенным за борт и поэтому пытается опереться на нашу офицерскую организацию, считая, что с нами, как с более демократической частью офицерства ему легче будет сговориться.

Уже тогда МИЦКИЙ, со слов КАМЕНЕВА и ЛЕБЕДЕВА, рассказал, что ТРОЦКИЙ и его сторонники считают успех революции "пропащим делом" и ведут работу по подготовке антисоветского переворота и установление буржуазно-демократической республики с ним — ТРОЦКИМ во главе.

Офицерские кадры в РККА ТРОЦКИЙ предполагает использовать, как ядро, могущее обеспечить его задачи.

Эти же установки о характере блока между ТРОЦКИМ и офицерской организацией подтвердил мне СЕРЕБРЯКОВ в октябре 1919 года.

Должен подчеркнуть здесь, что мое назначение комвойсками южфронта состоялось вскоре после принятия ЦК партии сталинского плана разгрома Деникина и когда план ТРОЦКОГО был отвергнут ЦК партии.

СЕРЕБРЯКОВ, когда мы остались с ним вдвоем у меня в кабинете, сразу же начал вести со мной совершенно откровенный разговор. Он заявил, что знает обо мне от ТРОЦКОГО и предупрежден, что от меня ничего скрывать не следует.

Тут же СЕРЕБРЯКОВ перешел к вопросу о принятии ЦК сталинского плана по разгрому Деникина и сказал, что это большой удар для нас. Он объяснил, что, помимо удара по автори-

тету ТРОЦКОГО, принятие плана СТАЛИНА означает перспективу полного разгрома Деникина. Разгром же Деникина подымет авторитет СТАЛИНА и ЛЕНИНА в ущерб авторитету ТРОЦКОГО.

Это значит - заявил СЕРЕБРЯКОВ, - что наши задачи по ликвидации "социалистического эксперимента" отпадают. Кроме того, сказал мне СЕРЕБРЯКОВ, для вас - офицеров наступит тяжелое время и вас несомненно задавят.

Я спросил СЕРЕБРЯКОВА, какие же практические задачи вытекают из всего того, о чем он мне говорил. СЕРЕБРЯКОВ сказал: - основная задача - это срыв выполнения сталинского плана, а подробно мы поговорим с ТРОЦКИМ, когда он к нам приедет, так как его приезд ожидается вскоре.

Действительно в конце октября 1919 года в Серпухов, где находился в это время штаб южфронта, приехал ТРОЦКИЙ. Мы собрались в вагоне у ТРОЦКОГО (ТРОЦКИЙ, СЕРЕБРЯКОВ и я).

В процессе беседы ТРОЦКИЙ заявил, что его - ТРОЦКОГО план был разработан КАМЕНЕВЫМ и ЛЕБЕДЕВЫМ и что он говорит со мной не только от своего имени, но и от имени моих друзей - КАМЕНЕВА и ЛЕБЕДЕВА, т.е., как я понял, от имени офицерской организации.

Он предложил мне и СЕРЕБРЯКОВУ создать обстановку на фронте для срыва осуществления плана СТАЛИНА путем ослабления фронта, саботажа выполнения директив фронта, запутывания распоряжений и создать положение, когда стала бы под угрозой Москва. Все эти условия дадут нам возможность диктовать

ЦК партии наши требования - сказал в заключение ТРОЦКИЙ.

Эти указания ТРОЦКОГО были нами приняты к исполнению. Однако, тот факт, что СТАЛИН уже был членом РВС фронта, не давал нам возможности свободно действовать в соответствии с пораженческими установками ТРОЦКОГО. Наступление белых было приостановлено и начался их отход на юг.

На пути из Серпухова в Курск, при переезде штаба фронта, СЕРЕБРЯКОВ от имени ТРОЦКОГО и ЛАШЕВИЧА вновь ставит передо мной вопрос о необходимости любым способом окончания изнурительной гражданской войны, доказывая, что нынешнее наступление не означает конца войны, так как "против Советской России борется весь мир".

Он рассказал мне, что у ТРОЦКОГО есть договоренность с иностранными государствами, которые поддержат реставрацию им капиталистического строя в России.

СЕРЕБРЯКОВ доказывал мне, что если ТРОЦКОМУ удастся добиться своей цели, то уже одним этим будет приближено окончание войны, ибо, во-первых, иностранные государства прекратят поддержку белых и, во-вторых, белая армия будет полностью разложена, так как ТРОЦКИЙ осуществит задачи массы, идущей за белыми, т.е. свержение Советской власти.

СЕРЕБРЯКОВ уже тогда в этой беседе подчеркивал, что на пути осуществления всех наших планов стоит СТАЛИН и что его надо устранить, - "если не выходит мирно - значит устранить физически".

Более конкретно вопрос об убийстве СТАЛИНА встал у нас

в Харькове, где мы имели уже заговорщическую организацию как из троцкистов, так и из офицеров.

СЕРЕБРЯКОВ связал меня в Харькове с троцкистами МАНЦЕВЫМ и БЕРЗИНЫМ. От них я узнал о практической подготовке крушения поезда СТАЛИНА в осуществление задания ТРОЦКОГО об убийстве СТАЛИНА.

Подробно мне об этом рассказывали СЕРЕБРЯКОВ и МАНЦЕВ, с которыми у меня установились близкие личные отношения. Он говорил, что было три варианта:

первый вариант - крушение поезда СТАЛИНА при его поездке на юг - Лозовая-Синельниково. Этот вариант отпал, так как СТАЛИН в эту поездку взял с собой меня и этим самым организация крушения поезда сделалась невозможной.

Второй вариант - крушение поезда СТАЛИНА в пути при поездке в Москву. Это также отпало, поскольку МАНЦЕВ и СЕРЕБРЯКОВ опасались провала.

Был принят третий вариант - организовать крушение поезда СТАЛИНА при выходе поезда со ст. Харьков, с тем, чтобы прикрыть покушение неорганизованностью работы станции и большим скоплением эшелонов поездов.

Практическую подготовку крушения поезда осуществляли СЕРЕБРЯКОВ, МАНЦЕВ, ПОСТНИКОВ и помощник ПОСТНИКОВА - инженер КУНИ. Они были связаны с КАМЕНСКИМ (управделами) и БРЕЗАНОВСКИМ (секретарь И.В.СТАЛИНА). Крушение было подготовлено и поезд СТАЛИНА был направлен на полном ходу в товар-

ный тупик. Лишь благодаря бдительности машиниста катастрофа была предотвращена.

Наряду со связью с троцкистами я через МИЦКОГО и ПЕТИНА продолжал поддерживать связь с офицерской организацией. Со слов ПЕТИНА, мне было известно, что его порученец МИСЕЛИУС имел связь со штабом Врангеля.

Тогда же стал вопрос у меня с ПЕТИНЫМ об установлении непосредственных связей с штабом Врангеля. Я вспомнил генерала ШАТИЛОВА, которого знал по Кавказскому военному округу и которого встречал на фронте в 1915 году. Я тогда же говорил ПЕТИНУ о необходимости установления с ним связи, как с видным врангелевским генералом. Однако, практически это осуществить нам не удалось.

МИЦКИЙ также, как и МИСЕЛИУС, был связан со штабом Врангеля. В 1920 году они оба были арестованы и расстреляны. Летом 1920 года МАНЦЕВ, являвшийся тогда председателем ВУЧК, рассказал мне, что он принимал все меры для сокрытия нашей антисоветской работы, однако Особый отдел юго-западного фронта напал на след связей МИЦКОГО и МИСЕЛИУСА со штабом Врангеля и арестовал их. МАНЦЕВ рассказал мне, что Особый отдел фронта фактически ему не подчинен, несмотря на то, что он формально и считается начальником Особого отдела фронта. Таким образом, сказал МАНЦЕВ, ему не удалось отвести удар от МИЦКОГО. Он предупредил меня, в связи с этим, о необходимости сугубой осторожности.

ПЕТИН при разговоре со мной об аресте его порученца МИСЕЛИУСА был тогда в страшной тревоге и высказывал опасение возможного разоблачения его - ПЕТИНА связи со штабом Врангеля.

О всей своей антисоветской деятельности, как участника офицерской организации, я подробно расскажу дополнительно.

Сейчас я хочу рассказать, что в осуществление директив ТРОЦКОГО по дискредитации плана СТАЛИНА мы пытались делать все возможное, чтобы доказать нереальность этого плана.

Однако, начавшийся отход и развал белой армии, происшедшие в короткий срок, не дали нам возможности сорвать план СТАЛИНА. Это было связано также и с тем, что непосредственное участие СТАЛИНА по руководству всем ходом операции исключало возможность проведения пораженческих мероприятий.

Весь ход событий складывался так, что ничем практически помочь ни Деникину, ни затем Врангелю мы не могли. Мало того, в связи с решением ЦК партии о составлении плана разгрома Врангеля, в августе 1920 года^я был вынужден составить предварительный проект этого плана, который передал при разделении фронтов ФРУНЗЕ М.В. и КАМЕНЕВУ С.С.

Во второй половине августа 1920 года я, БЕРЗИН и ПЕТИН вместе со штабом юго-западного фронта переехали в Киев и тем самым оторвались от непосредственного соприкосновения с врангелевским фронтом и произошел разрыв в работе нашей троцкистско-офицерской организации.

Касаясь пораженческих мероприятий нашей офицерской ор-

ганизации в период советско-польской войны, я должен рассказать о следующем факте.

В финальной части операции на польском фронте я, двуручничая перед И.В.СТАЛИНЫМ, выполнил вредительский приказ ТРОЦКОГО и КАМЕНЕВА о переброске 1-ой конной армии с отрывом ее от Львова в состав западного фронта. Внешне я разделял мнение И.В.СТАЛИНА о вредности этой операции, а фактически, на основе моего разговора с КАМЕНЕВЫМ, я действовал заведомо зная о вредности этого мероприятия.

Из разговора по проводу с КАМЕНЕВЫМ для меня было понятно, что ТРОЦКИЙ и КАМЕНЕВ, не без участия ТУХАЧЕВСКОГО, в операции отрыва 1-ой конной армии от Львова, переброски ее сначала за Буг на восток, а затем вновь форсировать Буг на запад, ставили себе целью:

1) чтобы 1-я конная армия, потеряв время на перегруппировку, не была бы надлежащим образом использована для поддержки операции западного фронта;

2) направив ее для действий в особо тяжелый по грунту, особенно для осеннего времени, район Холмщины истощить ее силы еще до соприкосновения с противником.

Для того, чтобы еще более ухудшить положение с использованием 1-ой конной армии западным фронтом, КАМЕНЕВ, несмотря на мои переговоры с ним по проводу по этому вопросу, дал директиву РВС фронта, изменив в то же время шифр, благодаря чему штаб юго-западного фронта не мог расшифровать эту

директиву в течение почти 2-х суток.

Позже из личных разговоров с КАМЕНЕВЫМ я узнал от него, что это было сделано преднамеренно.

С окончанием гражданской войны и укреплением Советской власти я отошел от связи с офицерской организацией и троцкистами. Я выжидал, присматриваясь ко всему происходящему в стране и возобновил свою антисоветскую деятельность лишь в 1925 году.

Я обещаю дополнительно рассказать об антисоветской деятельности и лицах — участниках троцкистско-офицерской организации по периоду гражданской войны.

А.И. Егоров.

25/1У-1938 г.